

Глава 3

У ворот ямэня

Когда торговец вывел Су Лина из присутственного места, закончив с оформлением всех бумаг, он в последний раз с сомнением поинтересовался, не желает ли молодой господин оставить цепи — для верности, чтобы ограничить свободу невольника.

Су Лин смерил его тяжёлым взглядом:

— Ты, конечно, проявляешь заботу, но спрашиваешь об одном и том же уже в десятый раз. Это начинает меня утомлять.

— Хорошо, хорошо, — засуетился торговец, — сейчас же сниму.

Опасливо косясь на раба, он принялся возиться с замками, бормоча под нос:

— Мы у самых ворот ямэня, так что даже не думай тут буянить.

Невольник, впрочем, не удостоил его и взглядом. Он смотрел вдаль, на шумную, заполненную людьми улицу, словно ожидал чего-то. Вскоре в толпе мелькнуло чёрное пятно. Чем ближе оно становилось, тем яснее было видно маленькую собачку, которая неслась во все лопатки, напоминая сорвавшуюся с пера каплю чернил.

Малыш Сяо Хэй, припадая на переднюю лапу, вбежал в переулок и, поджав хвост, замер. Его круглые, блестящие глаза воровато скользнули по Су Лину, после чего щенок, пользуясь суетою, юркнул за спину своего хозяина.

При виде пса в глазах невольника на миг вспыхнул живой огонёк, однако он послушно последовал за Су Лином, ни разу не обернувшись.

Лишь когда Су Лин устроился на воловьей повозке, отправлявшейся в деревню, он заметил, что раб каким-то образом ухитрился спрятать щенка у себя на груди. Су Лин вспомнил, как эта кроха подкармливала мужчину ворованной булкой — сразу стало ясно, что этих двоих связывала верная дружба, закалённая в беде. Глядя на то, как Сяо Хэй тихо поскуливает, стараясь угодить новому хозяину, юноша не стал ничего говорить.

На повозке невольник сел с самого края, а за ним, в глубине телеги, расположились ещё три женщины из семьи Юань — односельчанки Су Лина.

— Ой, неужто это братец Лин? — защebetала одна из них. — Тоже сегодня на ярмарку выбирался?

— Угу, — буркнул Су Лин, облокотившись на бортик.

Он старался сидеть как можно дальше от соседки, оставляя между ними приличное расстояние, чтобы ненароком не коснуться её при тряске. Дорога в горах была разбитой, и повозка то и дело подпрыгивала на ухабах, превращая путь в сплошное мучение. Каждую такую поездку у Су Лина начинала раскалываться голова, а в этот раз, на фоне дневных переживаний и пустого желудка, его и вовсе начало подташнивать.

Лицо его побледнело, и у него не было ни малейшего желания поддерживать беседу с людьми, чьих имён он даже не помнил. Однако в глазах женщин его молчание выглядело совсем иначе.

Они делали вид, будто их просто сталкивает друг с другом на кочках, но на деле толкались локтями и многозначительно перемигивались. Всё, что было у них на уме, Су Лин читал по их лицам так же ясно, как в открытой книге.

Когда повозка начала затяжной подъём и её качнуло особенно сильно, Су Лин невольно соскользнул вглубь телеги, коснувшись ногой одной из женщин. Тут же в его сознании всплыл хор чужих мыслей:

«Ещё тётушка Юань Цзинцуй говорила, что этот Лин-гээр с детства в городе рос, деревенских за людей не считает. На вопросы старших едва отвечает. Характер — сущий яд, говорят, он своих слуг почём зря колотил».

«Сидит, словно боится об меня испачкаться. А ведь я сегодня чистую одежду надела!»

«Тётушка его сказывала, что у него судьба тяжёлая — мать в могилу свёл, потом и отца. Сидеть с таким рядом — только беду накликают».

Двое других переглядывались, не размыкая губ, но их полное презрения молчание было красноречивее любых слов. Такое единодушие не рождается за день — оно впитывается с молоком матери и оттачивается годами сплетен у колодца.

Су Лин, обессиленный и измученный качкой, полулежал у края повозки. Голова кружилась, а чужие голоса в сознании невыносимо раздражали, но сил спорить не было. Ровно до того момента, пока одна из женщин не подумала:

«Ребёнок без матери — что трава придорожная. Мужчина его растил, вот и вырос: то ли изнеженный барчук, то ли дикарь невоспитанный. Никаких приличий не знает».

Гнев вспыхнул в Су Лине мгновенно, выжигая остатки слабости.

— Даже мне, оставшемуся без матери, ясно, что судачить за спиной — последнее дело! — выпалил он, и его голос, громкий и резкий, точно взрыв петарды, заставил женщин вздрогнуть.

— Если вас мать воспитывала так «хорошо», что вы, точно навозные мухи, только и умеете, что жужжать гадости про других, то грош цена такому воспитанию!

— Если уж приспичило кости мне перемывать, так скажите это в глаза! Или только на подлость за спиной и способны?

Юноша сверлил их яростным взглядом. Одна из женщин, чьё лицо было покрыто глубокими морщинами, сначала опешила, но тут же перешла в наступление:

— Ты как со старшими разговариваешь?! Что это за брань на пустом месте?

— На пустом месте? — Су Лин горько усмехнулся. — Я разве не правду сказал? Чего вы так всполошились? Я разве называл имена? Если совесть чиста, чего ж вы так сердитесь? Я про мух говорил, а не про людей.

Он чеканил слова быстро и чётко, и каждое из них било точно в цель. Лица женщин пошли багровыми пятнами.

— Здесь только мы да ты! Кого же ты мухами назвал, если не нас? — взвизгнула соседка, вскинув брови.

— А-а, значит, узнали себя? — отрезал Су Лин с вызывающим видом. — Вот и славно, что хоть капля самосознания у вас осталась. Посмотрите на себя — лица перекошены, глаза бегают, точно в лихорадке. Неужто думали, я не замечу, что у вас на уме? Не такой я дурак, как вам кажется. Да, я не умею так складно врать и льстить, как вы, и не привык чесать языком за чужими спинами.

Су Лин выпалил всё это на одном дыхании, но в этот момент повозка резко вильнула на повороте. Желудок его окончательно взбунтовался, и юноша судорожно сглотнул, борясь с рвотным позывом. Поскольку он ничего не ел весь день, тошнота была пустой, но от этого не менее мучительной.

И тут судьба сыграла с ним злую шутку: телега подпрыгнула на камне, Су Лин не удержался за бортик и, окончательно обессилив, повалился в сторону невольника.

Мужчина вздрогнул. Он увидел, что юноша бледнее полотна, его брови болезненно сдвинуты, а ресницы мелко подрагивают. Су Лин выглядел сейчас не как колючий ёж, а как хрупкое, измученное создание, готовое вот-вот разбиться.

Невольник осторожно перехватил щенка левой рукой, а правой притянул Су Лина к себе, позволяя ему опереться на свою широкую грудь, чтобы хоть немного унять приступ тошноты.

Колючий «дикобраз» исчез. Теперь в его объятиях лежал беззащитный, слабый «котёнок»,

прижавшийся к нему в поисках опоры. Повозка продолжала свой медленный, скрипучий путь, а Су Лин, тяжело дыша, неосознанно цеплялся пальцами за одежду мужчины, пытаясь найти положение поудобнее. Его мягкие волосы щекотали грудь невольника.

Сцену этой невольной близости женщины наблюдали с отвисшими челюстями. Только теперь они в полной мере осознали, что Су Лин возвращается в деревню не один. Видя, как юноша льнёт к незнакомому мужчине, они снова принялись перемигиваться.

Ещё мгновение назад они выглядели как побитые, но злые наездки, но теперь в их глазах снова вспыхнуло торжествующее презрение. Они беззвучно всплескивали руками, радуясь столь «постыдному» открытию, и не сводили косых взглядов с этой пары.

Мужчина почувствовал их внимание. Он медленно поднял голову. Могучий, широкоплечий, с обнажёнными руками, на которых бугрились стальные мускулы, покрытые багровыми следами от ударов, он прищурился. В его холодном, предупреждающем взгляде было нечто такое, что заставило женщин вмиг «исцелиться» от их кривляний. Они тут же выпрямились и до самого конца пути прилежно разглядывали придорожные кусты, не смея пикнуть.

Воловья повозка медленно ползла по узкой тропе, вырубленной в скалах. С одной стороны нависала гора, с другой — в локте от колеса — зияла пропасть, на дне которой с грохотом неслась река. Это была Лунтань, один из притоков которой питал их родную деревню. Водяная пыль, поднимавшаяся от порогов, окутывала склоны гор дымчатой вуалью, превращая пейзаж в ожившее полотно старинного мастера.

Спустя час, когда грохот воды остался позади, а дорога выровнялась, Су Лину стало немного легче. Он до боли сжимал точку между большим и указательным пальцами, и тошнота постепенно отступила. Как только головокружение прошло, он осознал, что всё ещё покоится в объятиях невольника. В нос ударил резкий запах пота, исходивший от мужчины.

— Ну и вонь, — пробормотал он, уткнувшись носом в твёрдую грудь.

Су Лин хотел было резко оттолкнуть мужчину, но, заметив глубокие раны на его руках, лишь осторожно высвободился из его хватки. Невольник молча убрал руку и прижал к себе щенка Сяо Хэя, который тоже выглядел совершенно замученным дорогой. Мужчина снова замер, выпрямив спину, и сидел так неподвижно, что казался частью самой повозки.

Ещё через час путь подошёл к концу. Горы расступились, открывая взору деревню, приютившуюся в уютной котловине. Деревня Пяти Ручьёв была построена по всем правилам: защищённая горами с севера и омываемая водой, она словно покоилась в ладонях великана. Над ней возвышались пять изумрудных пиков, напоминавших растопыренные пальцы. Между ними вились туманные хребты, а из ущелий вырывались пять бурлящих потоков, серебряными нитями стекавших к подножию.

Сами дома стояли в самом центре этой «ладони». По берегам рек лепились низкие мазанки с соломенными крышами, деревянные хижины и редкие каменные постройки. Река здесь была

неглубокой, и вместо мостов через неё тянулись ряды каменных столбов-ступеней. Покрытые изумрудным мхом и отполированные тысячами ног, эти камни хранили в себе дух ушедших веков.

Старый вол натужно вздохнул и остановился у самого берега. Су Лин отсчитал восемь вэней вознице и начал подниматься. Ноги после долгого сидения не слушались, голова снова пошла кругом. Он покачнулся и невольно ткнулся лбом в грудь мужчины, который успел сойти первым.

Су Лин замер, пытаясь прийти в себя, и не заметил, как рука невольника на миг потянулась к нему, чтобы поддержать, но тут же отпрянула.

Увидев на берегу знакомую фигуру, Су Лин мгновенно забыл о тошноте и усталости. Слабость сменилась боевым задором; он выпрямился, точно гордый петушок, расправляющий перья перед схваткой, и решительно зашагал к реке.

— Ох, Сяо Лин! Где же ты пропадал? Я так за тебя извелась!

Этот фальшиво-заботливый голос мог принадлежать только одной женщине — его тётушке, Юань Цзинцуй.

<http://bllate.org/book/15320/1354519>